

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

Фальшивое СОЛНЦЕ

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи

70-х

Геннадий СОРОКИН

Детектив-Ностальгия

Геннадий Сорокин
Фальшивое солнце

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сорокин Г. Г.

Фальшивое солнце / Г. Г. Сорокин — «Эксмо»,
2026 — (Детектив-Ностальгия)

ISBN 978-5-04-250959-9

Ностальгия по временам, уже успевшим стать историей. Автор настолько реально описывает атмосферу эпохи и внутреннее состояние героев, что веришь ему сразу и безоговорочно. Конец семидесятых, один из сибирских городов. В квартире находят тело молодой женщины в кимоно. Судя по ране на левом виске, она погибла от сильного удара. Интерьер на месте преступления напоминает японские декорации. Рядом с убитой были обнаружены веер, катана, бумажный фонарь и ленты с иероглифами. Человек, который снимал квартиру и называл себя японским профессором Мицуко Орояма, исчез. Оперативник Иван Абрамов пытается понять, убийство стало следствием бытового конфликта или частью детально разыгранного спектакля? Когда сыщики узнают, что имя профессора женское, а фамилия вымышленная, им становится ясно, что за восточными декорациями скрывается тот, кто умеет исчезать вовремя и запутывать следы... Уникальная возможность на время вернуться в недавнее прошлое и в ощущении полной реальности прожить вместе с героями самый отчаянный отрезок их жизни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250959-9

© Сорокин Г. Г., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Часть первая. Ниигата	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Часть вторая. Монгол	16
Глава 1	16
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Геннадий Сорокин

Фальшивое солнце

© Сорокин Г., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Часть первая. Ниигата

Глава 1

В конце апреля 1977 года в коммерческий порт японского города Ниигата прибыл советский сухогруз «Академик Васильев». После разгрузки экипаж стал готовиться к выходу в город. Замполит судна составил списки увольняющихся на берег, разбил моряков на несколько групп под командованием одного из офицеров судна. По одному советским морякам в загранплавании на берег сходить было запрещено. Руководство «Совторгфлота» опасалось провокаций со стороны зарубежных спецслужб или антисоветски настроенных граждан. В одну из групп, уходящих в увольнение, вошли механик, боцман, молодой палубный матрос по фамилии Иванов и еще трое членов экипажа. Механик был старшим группы. В Ниигату он прибыл в третий раз, а боцман – в шестой.

Здание пограничной службы и таможенного контроля находилось в левой части порта. Это было кирпичное сооружение с высокими потолками, построенное еще до Второй мировой войны. Новое здание таможни строилось рядом. Над входом в пограничную зону висел приветственный плакат на английском и японском языках. Сразу за входом в здание начиналась пограничная зона. Территория порта заканчивалась за красной полосой на полу перед кабинками с пограничниками. А за ними была уже Япония, далекая и загадочная. Моряки с «Академика Васильева» выстроились в очередь для прохождения пограничного контроля, достали паспорта. Японские пограничники к советским гражданам не придирались, но работали неспешно – количество людей в очереди их не волновало. Все изменилось, когда в зале появился японский сотрудник службы безопасности. Он жестом велел пограничникам ускорить проверку документов и приготовиться к серьезной работе: в порту Ниигаты закончил разгрузку теплоход из ФРГ. Немецкие моряки уже сошли на берег и направились к пограничному посту.

Сотрудник службы безопасности и японские пограничники знали, что в экипаж советского судна, выходящего в заграничное плавание, случайный человек не попадет. Советские моряки были проверенными товарищами, членами коммунистической партии или комсомольцами, положительно характеризующимися по месту службы и жительства. Все они перед зачислением на судно проходили проверку в КГБ. Малейшее сомнение в надежности моряка закрывало ему выезд за границу навсегда. С немецкими моряками было по-другому: в экипаж сухогруза из ФРГ мог попасть случайный человек или даже террорист. 1970-е годы в Западной Европе были непростым временем. Леворадикальные террористические группировки начали беспощадную борьбу с буржуазным обществом. Они поджигали крупные универмаги, похищали государственных и политических деятелей, взрывали бомбы около американских военных баз. Самой известной террористической группировкой ФРГ была Фракция Красной армии (РАФ), возглавляемая Андреасом Баадером. В апреле 1977 года Баадер и многие другие руководители РАФ уже сидели в тюрьме, но сотни их сторонников оставались на свободе. Кто-нибудь из них мог завербоваться на торговое судно, прибыть в Японию и установить связь с японскими левыми радикалами из Красной армии Японии или аналогичной группировки. Пограничникам порта Ниигата предстояла нелегкая работа – по внешнему виду и паспорту определить, является ли немецкий гражданин обычным моряком или он скрытый террорист, прибывший обучать японских товарищей обращению со взрывчаткой.

После прохождения пограничного контроля советские моряки вошли в зал таможенной проверки. Это было просторное помещение со стеклянной будкой в углу. Посреди зала сто-

яли шесть длинных столов, сваренных из металлических уголков, с оцинкованными гладкими столешницами. Советские моряки выложили на столы имеющийся при себе багаж и стали дожидаться проверки. Вещи моряков проверялись таможенниками вручную. Проверка носила поверхностный характер, так как список запрещенных к ввозу в Японию товаров и предметов был ограничен. В него входили все виды оружия, запрещенные международными конвенциями вещества, подрывная литература и продукты переработки диких животных. Оружия и наркотиков у советских моряков не было, пронести избранные сочинения Ленина на территорию Японии никто не пытался. К специфическим продуктам дикой природы относились шкуры диких животных и переработанные или засушенные части их тел. Среди японских знахарей, например, очень ценился детородный орган амурского тигра, из которого делали настойку, повышающую мужскую силу. Стоила такая настойка безумно дорого, но популярностью у пожилых японцев пользовалась небывалой, во много раз большей, чем продукция самых известных японских или американских фармацевтических фирм.

Контрабанды у советских моряков с «Академика Васильева» при себе не было, японских таможенных законов они не нарушали, а если и нарушали, то так, по мелочи. Например, превышали число разрешенных к ввозу в Японию табачных изделий. По японским законам на территорию страны можно было ввезти 200 сигарет или папирос. У боцмана в багаже было десять пачек папирос «Беломорканал». В каждой пачке находилось по 25 папирос. Таким образом, боцман привез в Японию 250 папирос, что превышало разрешенный лимит, но таможенники не стали придираться к нему. Они знали, для кого предназначены эти папиросы. Для стариков! Старость надо уважать, иначе не будет преемственности поколений.

Папиросы в багаже советских моряков выглядели на первый взгляд странно. Зачем нужны низкокачественные табачные изделия в стране, где в каждом табачном киоске продаются фирменные американские сигареты по умеренной цене? Таким вопросом мог задаться только человек, не знакомый с историей Второй мировой войны и менталитетом японцев. В 1945 году после разгрома Квантунской армии в Маньчжурии в плен к советским войскам попало свыше шестисот тысяч японских военнослужащих. До 1956 года они содержались в специальных лагерях для военнопленных на территории СССР. Курили японские пленные или махорку, или папиросы, если повезет. Прошли годы. В Японии выросло поколение, которое стало пренебрегать традиционными ценностями: преданностью императору и готовностью к самопожертвованию ради поставленной правительством цели. Грубая папироса в скрюченных артритом пальцах морщинистого старика говорила разболтанной молодежи и их безмозглым родителям, что перед ними бывший солдат императорской армии, выполнивший свой долг до конца. Перед стариком с дымящейся папиросой надо было почтительно склонить голову и проявить к нему высшие знаки уважения.

За крайним слева столом встали боцман, механик и молодой матрос. Боцман обернулся на стеклянную будку и тихо сказал:

– Нынешняя красotka хорова! Вот до нее была деваха так деваха! Один раз взглянешь – всю неделю снится будет. Как эту зовут? Миа? Прошлогоднюю тоже как-то на букву «М» звали.

Механик кивком головы согласился с ним. Он не понял, о ком идет речь, посмотрел в сторону будки и обмер: за стеклом сидел сотрудник спецслужб Японии, а за ним на стене висел календарь в рост человека, на котором была изображена очень симпатичная девушка в открытом ярко-красном купальнике. Она стояла на берегу моря и скромно, по-азиатски не размыкая губ, улыбалась. Ей была чужда голливудская вульгарность, когда американские красотки улыбались так, словно рекламировали отбеливающую зубную пасту или приглашали любого желающего пересчитать у них зубы во рту. Японка на календаре была стройной, с развитой грудью, узкой талией. Для азиатки у нее был необычный разрез глаз, почти как у представительницы европеоидной расы. Советские моряки догадывались, что с разрезом глаз у япон-

ских манекенщиц что-то не то, что в нем кроется какой-то подвох, и они были правы. Для рекламных плакатов и календарей снимались филиппинские девушки, которым пластические хирурги немного подправляли веки и уголки глаз, потому что узкоглазые худосочные японки для европейской мужской аудитории в качестве манекенщиц не подходили.

Пройдя таможню, моряки вышли в город. Лидером группы вместо назначенного замполитом механика стал боцман. Он уверенно повел товарищей извилистой дорогой через склады, вдоль пропахшей креазотом подъездной железнодорожной ветки на пустырь, где их уже поджидал микроавтобус «Ниссан». При приближении русских боковая дверь микроавтобуса отъехала в сторону, приглашая гостей Страны восходящего солнца войти внутрь. Первым в него забрался боцман. Японец-перекупщик тепло поприветствовал его на ломаном русском языке, и начался торг. С собой на продажу боцман привез две баночки черной икры, две бутылки водки «Столичная» с винтовыми пробками, десять пачек папирос, сувениры, три банки консервированных говяжьих языков. С шеи боцман снял золотую цепочку с кулоном, а с пальца – обручальное кольцо. Носильные вещи из золота таможенному декларированию не подлежали, а стоили они в Японии гораздо дороже, чем в СССР. С рубашки под пиджаком он отцепил три значка: октябятский, пионерский и комсомольский. В качестве сувениров их ввоз был запрещен, а как показатель преданности делу Коммунистической партии Советского Союза – разрешен. Япония была забюрократизированной страной, где один закон противоречил другому. Ввозить с собой томик трудов Ленина на русском языке запрещалось, это считалось коммунистической пропагандой, но в любой университетской библиотеке труды Ленина на японском языке выдавались студентам по первому требованию. Октябятский значок в багаже был запрещенным товаром, а на груди у моряка – нет. Когда у фрондирующей японской молодежи вошли в моду советские значки, советские моряки тут же нашли способ их провозить. Боцман в свой первый приезд в Ниигату заявил при прохождении границы, что он как патриот Советского Союза считает своим долгом носить на груди все знаки отличия, полученные им с детского возраста. Последовательно указывая пальцем на значки, он через переводчика разъяснил таможенникам, что вначале был октябренком, потом подросток и стал пионером, в старших классах вступил в комсомол, а после службы в армии – в партию. В подтверждение своих слов боцман достал партбилет и ткнул пальцем в столбец с отметкой об уплате партийных взносов. Крыть японским бюрократам было нечем. Партийные взносы – вещь серьезная, с ними не шутят!

Ассортимент товаров, привезенных боцманом, был заранее оговорен с местным перекупщиком. Русская водка в Центральной и Южной Японии популярностью не пользовалась, зато ценилась среди жителей самого северного японского острова Хоккайдо. Черную икру можно было сдать в любой ресторан, а сувениры выставить на продажу на лотках в людном месте. Октябятские и пионерские значки носили протестующие против всего на свете студенты. Особой любовью у них пользовалась пятиконечная звезда с юным Лениным в центре значка. Если сотрудник спецслужб, присматривающий за университетом, начинал задавать студенту неприятные вопросы, то тот всегда мог сказать, что октябятская звездочка – это никакая не советская пропаганда, а обычный сувенир. Всем же известно, что Ленин был лысым, а на значке изображен кудрявый мальчик, похожий на известного русского поэта Александра Блока в детстве. Стихи Блока в Японии не запрещены, так какие могут быть вопросы к значку?

Проверив товар, перекупщик отсчитал боцману пачку иен, посоветовал, что лучше привезти в следующий раз. За боцманом в микроавтобус залез механик, за ним – остальные моряки.

Продав все привезенные с собой вещи, моряки пошли в банк, где обменяли на японские иены доллары США, полученные ими в качестве зарплаты за время рейса. Богатые и довольные жизнью, они пошли в центр города, где располагались крупнейшие в Ниигате универсальные магазины, в том числе недавно построенный огромный торговый комплекс «Плат Хончо».

Глава 2

– Так вот ты какой, загнивающий капитализм! – воскликнул Иванов, как только моряки вышли из припортовой зоны. – Разруха, ничего не скажешь! А какие тут иномарки! Жаль, фотоаппарата нет, щелкнули бы вы меня рядом с вон той «Тойотой», мне бы все знакомые завидовали до конца дней своих. Это же не машина, это мечта!

Перед советскими морями простирался шестиполосный проспект с левосторонним движением, по обочинам которого были припаркованы сверкающие на солнце шикарные иномарки. Газоны рядом с ними были аккуратно подстрижены, высаженные деревья выглядели ухоженными, а тротуары – чисто выметенными. Ни одного окурка на асфальте не валялось. Цивилизация, порядок! Сплюнуть захочешь, так постесняешься. Высоченные здания из стекла и бетона вдоль проспекта уходили ввысь. Между ними архитекторы оставили старые постройки, использовавшиеся как сувенирные лавки и магазины бакалеи.

Бывалым морякам была понятна реакция молодого коллеги, в первый раз попавшего в крупный город за границей. Они тоже когда-то восхищались иномарками и небоскребами, потом привыкли. Действительно, чему удивляться в Ниигате? Что тут «Тойоты» и «Ниссаны» вдоль обочины стоят? А что должно стоять, автомобили «Москвич», что ли?

До торгового центра «Плат Хончо» добраться можно было на автобусе, трамвае или на такси, но моряки были вынуждены экономить валюту, поэтому пошли пешком. Благо идти было недалеко, не более километра. Японские архитекторы, проектируя новые кварталы Ниигаты, специально разместили торговые центры недалеко от коммерческого порта. По их замыслу, иностранные моряки и туристы должны были больше времени проводить за покупкой японских товаров и как можно меньше бесцельно слоняться по городу в поисках приключений.

На входе в торговый центр размещались лотки с полиграфической рекламной продукцией. Боцман уверенно взял с прилавка каталог японских автомобилей за 1976 год.

– Буду возвращаться – принесу! – сказал он невозмутимому охраннику торгового центра. – Пока почитаю, приценюсь.

Японец не понял ни слова из сказанного, но препятствовать боцману не стал, хотя знал, что русский моряк каталог назад не вернет. Рекламную полиграфическую продукцию в крупные магазины бесплатно поставляли производители автомобилей и электроники. Отвечать за сохранность бесплатных каталогов охранник не был обязан.

В торговом центре моряки разделились. Наступил священный момент покупки товаров, мероприятие в высшей степени интимное, требующее внимания и сосредоточенности. Тут каждый был сам за себя.

Боцман, ориентируясь по указателям на английском языке, прошел сначала в магазин джинсовой одежды. Услужливые продавцы быстро подобрали ему джинсы фирмы «Ли Купер». Он покрасовался перед зеркалом, оценил обновку и вторые джинсы этой же модели взял без примерки. У боцмана была стандартная, если можно так сказать, фигура: что подошло по размеру ему, то должно было подойти каждому второму мужчине во Владивостоке. Еще одни джинсы боцман взял другой фирмы и на два размера больше. С их реализацией проблем возникнуть не должно – во Владивостоке мужчин с крупной фигурой хватало.

По советским таможенным правилам ввоз в страну вещей, предназначенных для продажи, был запрещен. Ввозить разрешалось только аппаратуру и вещи, предназначенные для личного пользования. Пару джинсов пронести на берег было нельзя, так как считалось, что советскому моряку одних джинсов за глаза хватит. Моряки легко обходили этот запрет: пару джинсов надевали на себя – одни джинсы поверх других, – а третьи джинсы представляли таможенникам в качестве покупки для личного использования.

После отдела джинсовой одежды боцман пошел в секцию, торговавшую часами. Еще перед отправкой в рейс он изучил ассортимент заграничных товаров в комиссионных магазинах и пришел к выводу, что популярностью начинают пользоваться наручные электронные часы в пластмассовом корпусе. Такие часы смотрелись на руке стильно. Сразу было видно, что это заграничный товар, а не советская «Электроника» в металлическом корпусе. Часы в пластмассовом корпусе в Японии не носили даже нищие. Японские предприятия выпускали их исключительно для иностранцев, в основном для туристов и моряков из стран социалистического блока и развивающейся Азии.

Приценившись, боцман купил десять наручных электронных часов фирмы «Омакс» в пластмассовом корпусе. Также для продажи он взял неплохие механические часы фирмы «Ориент». Для себя он еще в прошлый рейс присмотрел дорогой наручный хронометр «Сейко» с тремя дополнительными циферблатами. На него боцман истратил примерно четверть всей имевшейся у него валюты, но часы того стоили! Шикарная вещь, статусная. Носить их боцман собирался исключительно у себя на родине, в рейсе же пользовался обычными советскими часами «Ракета».

После магазина с часами боцман пошел по привычному кругу: купил двухкассетный стереомагнитофон фирмы «Сони» для продажи, десять солнцезащитных очков неизвестного производителя и три блока жевательной резинки. Истратив почти все деньги в японских иенах, он спустился к другому выходу из торгового центра и на стойке с рекламными буклетами взял два каталога: электронной продукции и фотоаппаратов и в условленное время встретился у входа с остальными моряками, наполнившими просторные спортивные сумки товарами для продажи. Моряки посчитали оставшуюся валюту и решили зайти в кафе, попробовать что-нибудь местного, экзотического. Они заняли отдельный столик в углу, подозвали официанта. Блюда и их стоимость в меню были написаны по-японски и по-английски. Каждое блюдо сопровождала его фотография. Это было сделано для удобства иностранцев, не владеющих ни японским, ни английским языками. Моряки заказали по одному роллу и по чашечке саке – на большее денег уже не хватало. Саке подали в чашечках, формой напоминающих пиалу. Роллы были с рисом, морской капустой и рыбой. Моряки выпили, закусили крошечными роллами и отправились на теплоход, по дороге привычно недоумевая, как японцы могут есть сырую рыбу с водорослями, когда прилавки в магазинах ломаются от отборных морепродуктов?

Перед прибытием во Владивосток в экипаже началось перераспределение товаров для прохождения таможи. Боцман раздал друзьям часы и очки, оставив себе пару часов и одни очки. Взамен получил фотоаппарат, кинокамеру, несколько виниловых пластинок с записями популярных западных исполнителей, женские сапоги, мальчиковый комбинезон и болоньевую куртку, произведенную в городе Осака. Перед выходом на берег каждый член экипажа «Академика Васильева» имел при себе строго ограниченный перечень товаров, который укладывался в понятие «для личного использования». После таможи произошел обратный обмен товарами, и боцман, получив свои часы и очки, поехал домой. Жена и сыновья обновок от него не ждали. Боцман был заботливым отцом семейства и готов был отдать на сапоги или куртку для жены последние иены, но его супруга была категорически против такого расточительства. «Вещь нужно покупать только после ее примерки!» – считала она.

Узнав, что боцман прибыл из рейса, к нему заглянул перекупщик-спекулянт и по хорошей цене купил пару джинсов и все очки. На полученные от него деньги супруга боцмана приобрела на вещевом рынке у спекулянтов модные курточки сыновьям. Для себя выбрала импортный кримпленовый костюм кремового цвета – писк моды 1970-х годов.

Магнитофон, часы и каталоги продукции японских фирм боцман отнес в комиссионный магазин. Знакомому товароведу он презентовал несколько пластинок жвачки, чтобы она оценила товары по высшей расценке. Жвачка с вкладышем внутри как предмет для мелкого

подношения была очень популярна во Владивостоке. Дети у всех были, а они любили вкус иностранной жвачки и еще больше любили похвастаться вкладышами с изображением героев американских мультфильмов.

Боцман сдал в комиссионный магазин три каталога. Первый – легковых автомобилей, предлагаемых для продажи на территории Японии в 1976 году. Во втором каталоге были представлены магнитофоны, транзисторы и видеомангнитофоны. В третьем – фотоаппараты и кинокамеры. Товаровед оценила каждый каталог в десять рублей, но усомнилась, что их быстро купят. Спрашивается, зачем вообще советскому человеку надо покупать каталог товаров, которые никогда не сможешь купить? Все дело в престиже. Каталоги были изданы на глянцеваы бумаге и выглядели нарядно. Внутри них было полно рекламы с японско-филиппинскими красотками, сфотографированными или на фоне дорогих автомобилей, или с магнитофонами в руках. Такой каталог перед приходом званных гостей выкладывался на журнальный столик. Гости в ожидании угощения листали каталог, восхищались «Тойотами» и стереомангнитолами «Сони», обсуждали фигуры и разрез глаз манекенщиц. Хозяин каталога на вопрос: «Где взял такой журнал?» обычно небрежно бросал: «Друзья из Японии привезли». Иметь друзей, между делом навещающих в Японию и интересующихся японскими автомобилями и видеомангнитофонами – это серьезно. Такие друзья не у каждого человека есть.

На следующий день боцман узнал, что его теща тяжело заболела. Помочь победить опасный недуг старушке мог дорогостоящий препарат, приобрести который можно было только через знакомых в Москве. Лишних денег в семье не было, но помочь теще боцман был обязан. Скрипнув от злости зубами, он отнес в комиссионку наручный хронометр «Сейко», который даже поносить не успел.

Буквально через день в столицу Приморья приехал азиатского вида студент из Хабаровска. С 1956 года Владивосток был закрытым для иностранцев городом, а студент был гражданином Монголии. Для въезда в главный порт Дальнего Востока он должен был иметь разрешение от пограничной службы КГБ СССР. Студент с разрешением не мудрил, дожидаться проверки паспортов в поезде не стал, просто вышел из вагона на станции Угольная, пересел в пригородную электричку и доехал до города без проблем и проверок.

Во Владивостоке он прошелся по комиссионным магазинам и, оказавшись в том, куда боцман сдал свои товары, полистал каталоги продукции японских фирм, купил их, потом долго присматривался к часам «Сейко» и приобрел их по баснословной цене. Теща боцмана была спасена, а безвестный студент сделал еще один шаг к предстоящему преображению.

Глава 3

21 октября 1979 года каталог японских автомобилей, «позаимствованный» на время боцманом в торговом центре «Плат Хончо», лежал на циновке в квартире на первом этаже дома по улице Герцена в сибирском областном центре. На каталоге и вокруг него валялись осколки стекла от разбитого журнального столика. Циновка под каталогом пропиталась кровью, набежавшей из головы девушки, не подающей признаки жизни.

– Ну, что тут у нас? – недовольно спросил Агафонов, войдя в квартиру. – Труп? Потерпевшая сама упала или ей кто-то помог?

– Она же не припадочная, чтобы самой на журнальный столик падать, – ответил Абрамов, приехавший на место происшествия раньше начальника.

– Откуда ты знаешь, припадочная она или нет? – окрысился на коллегу Агафонов. – Она что, твоя знакомая? Одетая-то она как, прости меня, господи!

В этот вечер к Агафонову на работу заглянули бывшие одноклассники. С собой они принесли бутылку водки и кое-какую закуску. Стоило мужикам выпить по первой рюмке, как Агафопова вызвали на происшествие. Посиделки пришлось прервать, вечер воспоминаний закончить.

– Я ничего не пойму, – сказал Агафонов, не подходя близко к девушке. – Почему она так причудливо одета? Вроде бы не Новый год, не время маскарад устраивать.

– Она гейша! – с уверенностью знатока японской культуры заявил Сизиков.

– Кто гейша? – раздраженно переспросил Агафонов. – Ты в своем уме? Какая гейша в Сибири, откуда она здесь возьмется? У нас в областном центре неандертальца реальнее встретить, чем гейшу на улице увидеть.

В прихожую вошел сотрудник уголовного розыска, опрашивавший соседей.

– Я выяснил, – сказал он. – Эта девушка – служанка профессора из Японии. Он снимал эту квартиру на время работы в нашем университете.

– Силы небесные! – взмолился Агафонов. – Что за театр абсурда, что за идиотизм! Откуда бы у нас взялся профессор из Японии? Кому бы он здесь японский язык преподавал и зачем? Вы хоть раз в жизни японца видели? До наших дебрей марсиане на летающих тарелках чаще долетают, чем японцы появляются.

– Серега! – перебил его Абрамов. – Мы понимаем, что тебя оторвали от «дела», только ты посмотри вокруг: здесь не зубокабинет и не притон, в котором, кроме матрацев на полу, больше ничего нет, здесь, как ты видишь, Япония!

– Ладно, проехали! – отмахнулся от него Агафонов и, вмиг став серьезным, спросил:

– Когда судебный медик приедет? Прокурора вызвали?

– Все сделали. Едут. Ждем.

Агафонов осмотрел комнату, прикинул, какие события могли в ней развернуться совсем недавно, не более суток назад. Квартира, в которой произошло убийство, была двухкомнатной, нестандартной планировки. В ней имелась большая прихожая, напротив которой располагалась гостиная. Вторая комнатка, площадью не больше, чем кухня в панельной пятиэтажке, была расположена за плотно закрытыми дверями слева. Напротив входа в нее находилась кухня. Главная комната в квартире была обставлена очень необычно. Пол покрывали грубые циновки из бамбукового волокна. В углу стоял топчан на очень коротких ножках. Сидеть на таком топчане наверняка неудобно – слишком уж низким он был. Рядом с топчаном стоял довоенный потрескавшийся комод, оставленный хозяевами квартиры в пользование квартирантам. Каркас журнального столика был перевернут, стеклянная столешница разбита. На стене напротив входа висели широкие матерчатые ленты, исписанные иероглифами. Между ними был закреплен большой раскрытый веер. Вместо плафона под потолком лампочку освещения скрывал

круглый бумажный фонарь кремового цвета. В углу комнаты у окна было что-то напоминающее верхнюю часть ученической парты для начальных классов с отрезанным сиденьем и укороченной высотой. Писать за этим приспособлением можно было, только поджав под себя ноги. Рядом с этой странной конструкцией стояла тумбочка, на которой были аккуратно сложены в стопочку тетрадки и в пластмассовом стаканчике ручки. У тумбочки было два выдвижных ящика, на момент осмотра закрытых. Противоположная от окна стена задрапирована тканью, на которой вручную краской были нарисованы драконы, цветы, птицы и ветки деревьев. Центральное место на этой стене занимал висящий в ножнах самурайский меч катана. На полу у стены лежала книжная стойка, опрокинутая во время борьбы. Книги из нее выпали, сувениры разлетелись в разные стороны. Плотные шторы на окне в комнате были задернуты. В этой странной комнате не было ничего, что являлось обязательным атрибутом любой советской гостиной: ни дивана, ни кресел, ни большого стола, за который по праздникам усаживали гостей. Не было также ни телевизора, ни магнитолы на высоких ножках, ни мебели стенки с посудой и книгами, ни одежного шкафа.

– Экспозиция: жизнь и быт самурая XIX века, – не обращаясь конкретно ни к кому, сказал Агафонов. – Я не представляю, для чего эта комната предназначена. Профессор нормального роста был или карлик? Как можно за этим огрызком парты сидеть? Где в этой комнате можно одежду оставить? Где в ней стол, черт подери?

– Рядом есть еще комната, – напомнил Абрамов.

– Дойдем до нее, а пока ответьте мне на вопрос: у этой красавицы лицо выбелено или здесь просто тусклое освещение?

– Я тоже так решил, – подтвердил догадку начальника Абрамов. – На кой черт она на лицо белила нанесла как актриса в японском театре?

Девушка с белилами на лице лежала посреди комнаты. У нее были длинные иссиня-черные распущенные волосы, тонкие изящные руки, кукольное личико. Слева на виске виднелась рана, кровь в которой успела запечься и почернеть. На ней было надето традиционное японское женское кимоно красного цвета с большими белыми цветами. Рядом с девушкой лежал предмет, напоминающий трезубец с сильно вытянутым вперед центральным зубом.

– Кто-нибудь знает, что это такое? – спросил Агафонов, показывая на странный предмет.

– Это сай! – уверенно заявил Сизиков.

– Ваня, дай ему подзатыльник! Пусть по-человечески заговорит, – велел Агафонов.

Сизиков не стал дожидаться физического воздействия и поспешно объяснил:

– Сай – это старинное японское холодное оружие колющего типа. Девушки-ниндзя носили заколки в виде сая в прическе. Удобно! Всегда можно незаметно достать сай из прически и заколоть врага.

– Если тебя послушать, то тут прошлым вечером разыгралась средневековая драма: служанка-гейша хотела заколоть хозяина, но он опередил ее и... Меч на стене висит, колотых ран на девушке не видать... Судя по столику, профессор просто врезал ей так, что она упала, ударилась головой об угол столика и испустила дух. Кстати, где этот профессор? Кто-нибудь узнал?

– Его никто не видел со вчерашнего дня, – ответил Абрамов.

– Пошли, посмотрим, что в соседней комнате, – предложил Агафонов.

Маленькая комнатка была обставлена так, что в ней с трудом можно было развернуться. Японско-самурайская тематика в ней отсутствовала. Двуспальная кровать, письменный стол, одежный шкаф и трюмо в углу у окна. Кровать была не заправлена, дверцы шкафов открыты. Мужская одежда на плечиках в шкафу отсутствовала.

– Как я понимаю, – сказал Агафонов, – эта комната была у них жилой, а та, большая, предназначалась для медитации и приема гостей, так, что ли? Теперь введите меня в курс дела: что известно об этом профессоре и его служанке на данный момент? Как обнаружили ее тело?

– Сегодня днем какой-то нерусский парень несколько раз стучал и звонил профессору в дверь, требовал открыть. Вечером он впал в ярость и с одного удара вынес косяк. Соседи вызвали милицию. Наряд приехал, вошел через выбитую дверь в квартиру, обнаружил труп и сообщил дежурному по городу.

– Куда делся человек, который выбил дверь?

– Убежал. Судя по всему, он вошел в квартиру, увидел труп и поспешил скрыться.

В подъезде хлопнула дверь, а через пару минут в квартиру вошли судмедэксперт с санитаром.

– Что тут у нас? – с порога спросил судмедэксперт и сам же ответил: – Опа! Девушка в костюме гейши на циновке! Месть самурая. Она ему подала остывший sake, а он такой обиды не стерпел и разбил об ее голову стеклянный столик. Кстати, мужики, дорогая ведь вещь! У меня родственник за таким столиком полгода гонялся и приобрел его через пятого знакомого на промтоварной базе за девяносто целковых. Надо будет сказать ему, что столик этот довольно хрупкий. Если придет пьяный домой, то от него надо будет подальше держаться... Опа, что я вижу! Каталог японских автомобилей за 1976 год! Закончим с трупом, надо будет полистать... А это что валяется? Нэцке? – поднял он миниатюрную фигурку толстого божка из дерева и сказал:

– Штучная вещь! У нас такую не купишь.

– В какое культурное общество я попал! – воскликнул Агафонов. – Вы, мужики, часом, не знаете, что тут на стене иероглифами написано? Нет? А чего тогда выделываться? Мы, мол, знатоки японской культуры! За обедом саем пользуемся вместо вилки...

Договорить он не успел. Дверь в подъезде снова хлопнула. Приехали следователь прокуратуры и эксперт-криминалист. Начался осмотр места происшествия.

Часть вторая. Монгол

Глава 1

17 августа 1976 года поезд Улан-Батор – Москва прибыл в Улан-Удэ с небольшим опозданием. Из вагона в середине состава на перрон сошел молодой человек азиатской внешности с большим чемоданом. По национальности он был монголом. Его звали Арасен, что переводится с монгольского языка как «шкура». Долгое время живя среди русских, молодой человек сократил свое имя на русский манер, избавившись от средней буквы «а» и стал именовать себя Арсеном Григорьевичем, хотя отца его звали не Григорий, а Чой. Настоящая фамилия молодого человека не столь уж важна – в анналы советской криминалистики он вошел под другим именем.

Арсену было двадцать три года. В 1972 году он приехал из Монголии в СССР, успешно сдал вступительные экзамены и стал студентом филологического факультета Хабаровского государственного университета. Через четыре года, в конце лета, он возвращался с каникул, которые провел в окрестностях Улан-Батора с родителями. Арсен был хорошо сложенным молодым человеком ростом 178 сантиметров. В отличие от соплеменников, у него была более светлая кожа, овальное, а не круглое, с выступающими скулами, лицо, большие миндалевидные глаза. Студент был черноволосым, с узкими губами и тонким носом. По внешнему виду его национальность трудно было определить. Сам Арсен никогда не задумывался, на кого он похож – для монголов он был монголом, а для русских – не русским.

Первым делом Арсен решил приобрести билет до Хабаровска. Отстояв в кассе небольшую очередь, он узнал, что на ближайший поезд остались билеты только в купейный вагон. Поморщившись от досады, студент вынужден был раскошелиться, так как следующий поезд до Хабаровска шел только через сутки. Обычно Арсен, возвращаясь с каникул в университет, ехал от Улан-Удэ до Хабаровска в плацкартном вагоне, что было ощутимо дешевле комфортабельного места в купе. Каких-то особенных неудобств путешествие в плацкартном вагоне не создавало, он был человеком, привыкшим ко всему: к спартанским условиям на пастбище в Монголии, к отсутствию бытовых удобств в доме родителей, к вечному шуму и суете в студенческом общежитии. Желудок его унаследовал от предков-кочевников способность переваривать любую пищу: от заплесневелого черствого сыра до очень жирного бараньего бульона. Он даже мог пить коровье молоко, которое у всех его родственников мгновенно вызывало расстройство желудка. Впрочем, с молоком студент не экспериментировал и по доброй воле пить бы его не стал. Вследствие какого-то генетического отклонения организм Арсена был более устойчивым к воздействию спиртных напитков, чем у большинства монголов. С русскими он тягаться, конечно, не мог, но выпить триста граммов водки был в состоянии. Правда, наутро после выпивки мучился от жестокого похмелья, но не умирал, в буквальном смысле слова, как его отец или старшие братья после пары стопок «Столичной».

После приобретения билета Арсен сдал чемодан в камеру хранения, достал привезенную из дома еду, поел в вокзальном буфете на втором этаже. До прибытия поезда погулял по городу в районе железнодорожного вокзала, но далеко ходить не стал – ничего интересного в Улан-Удэ, по его мнению, не было. В десять часов вечера Арсен занял место в зале ожидания, достал книжку и попробовал почитать, но, как всегда в поездке, книга не читалась, а текст ее не усваивался. Засыпать, даже на время, опасно – можно было пропустить прибытие своего поезда, что стало бы катастрофой: деньги за билет ему бы не вернули, а следующего состава пришлось бы ждать целые сутки. От нечего делать Арсен стал рассматривать пассажиров на соседнем ряду сидений и вход в ресторан. В одиннадцать вечера ресторан закрылся. Через несколько

минут из него вышли последние посетители: трое небритых мужчин с рюкзаками за спиной. Их появление в зале ожидания смотрелось сюрреалистически. Казалось, что где-то с тыльной стороны ресторана к нему примыкает тайга, из которой прямо в обеденный зал вышли геологи, выпили, закусили, закинули рюкзаки на плечи и пошли дальше – искать другой вход в тайгу.

«Все свое ношу с собой, – оценил поклажу незнакомцев Арсен. – Улитка носит на спине свой домик, а геологи – целую компактно упакованную квартиру, в которой хранят нательное белье, кружку, ложку, еду, одеяло, свитер и накомарник. Они не могут расстаться со своими рюкзаками даже в ресторане, потому что не мыслят жизни без «домика» за спиной».

Геологи шумной компанией расположились в самом конце зала ожидания и сбросили рюкзаки на пол. Милиционер, патрулирующий внутренние помещения вокзала, подошел к мужчинам, попросил вести себя тише. Геологи согласились, выждали момент, когда милиционер уйдет, и послали гонца за водкой. Гонец, молодой мужчина лет тридцати, вернулся на удивление быстро. С собой он принес неизвестно где добытую бутылку и граненый стакан, «позаимствованный» в автомате по продаже газированной воды на первом этаже. Автоматы по продаже газировки стояли на многих улицах Улан-Удэ. Стаканы из них пропадали не чаще чем раз в неделю, а вот в автомате на вокзале заменять стаканы приходилось по несколько раз в день. Вокзал – место расставания, где было принято выпить «на посошок». С собой из дома стаканы никто не приносил, вот и приходилось буфетчицам раз за разом приносить в автомат новые стаканы.

Выпив еще, мужчины стали вести себя очень шумно. Они еще не привыкли к тому, что из девственной тайги вновь вернулись в цивилизацию, где надо соблюдать правила приличия и не мешать другим пассажирам. Патрульный милиционер вновь приструнил их и велел вернуть перед отправкой поезда стакан на место. Геологи заверили его, что стакан привезли из экспедиции, но парни они не жадные и готовы пожертвовать стаканом для обустройства улан-удинского железнодорожного вокзала.

За ночь ожидания студент несколько раз выходил покурить на привокзальную площадь, оставляя на сиденье в зале ожидания книгу, чтобы его место никто не занял. Геологи тоже выходили покурить. По их разговорам Арсен понял, что они возвращаются из экспедиции в Благовещенск, где была их центральная геолого-разведочная база.

Отупев от бессонной ночи, студент в пять утра забрал багаж из камеры хранения и вышел на перрон дожидаться поезда на свежем, бодрящем воздухе. Скорый поезд «Россия», следующий по маршруту Москва – Владивосток, прибыл точно по расписанию. Арсен нашел свой вагон, занял место в пустом купе. Ему досталась верхняя полка по ходу движения. Через несколько минут после него в купе вошли геологи. Как только поезд тронулся, они получили у проводника постельное белье и завалились спать. Познакомиться с попутчиками студент не успел, да и не особо стремился. По натуре своей он был малообщительным молодым человеком, не стремящимся расширить круг знакомства при каждом удобном случае.

Арсен заплатил проводнику рубль, получил постельное белье, заправил спальное место, переоделся в трико и футболку, сходил в тамбур покурить и лег спать. Под стук колес он мгновенно уснул и проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо.

– Эй, япошка, вставай! – будил его рыжий бородатый геолог. – Пора к столу, а то не человечески получится: ты спишь, а мы обедаем.

Студент взглянул на наручные часы. Время давно перевалило за полдень. В животе Арсена урчало от голода, во рту пересохло.

– Меня зовут Арсен, – представился он, взял полотенце, умывальные принадлежности и пошел в туалет, чтобы привести себя в порядок.

А когда вернулся в купе, стол был уже накрыт. Из вагона-ресторана геологам доставили жареную по-домашнему картошку, свиные отбивные и хлеб. Проводник принес стаканы с

фирменными подстаканниками с изображением Кремля. Рыжий геолог достал из-под стола бутылку водки, разлил по стаканам.

– Я ничего не заказывал, – поспешил откреститься от угощения Арсен. – Я студент, у меня с деньгами не очень.

– Вот поэтому и садись к столу! – велел рыжий геолог. – Все мы были студентами, все голодали! Помнится, когда после войны я жил в студенческом общежитии в Свердловске, за тарелку наваристого борща был готов любой бабе в любви признаться. Вот время было! В карманах – ни шиша, вечно голодный, зато веселый, беззаботный, и красивые девки всегда рядом! Ты, япошка, садись к столу. Давай вздрогнем за знакомство.

Арсен сел рядом с молодым геологом, выпил, поморщился с непривычки, закусил. А рыжий геолог продолжил свои воспоминания:

– У меня в институте от голода как-то видения начались. Смотрю на лектора и вижу, что рядом с ним стоит мой отец, которого я видел только на фотографиях. Я его совсем не помню, он ушел на войну, когда я был еще совсем маленьким. Но я на вас, япошек, зла за это не держу. Каждый в те годы свой приказ выполнял.

Как известно, трезвый пьяному не товарищ, пока сам не выпьет и не дойдет до соответствующей кондиции. Студент не стал спорить с геологом и объяснять ему, что он вовсе не японец, а монгол, а про себя подумал:

«Мели, Емеля! Твоя неделя».

– Вот там, – продолжил рыжий, – там находится Монголия, – показал он рукой направо по движению поезда, где действительно начиналась территория Монгольской Народной Республики. Даже выпив, геолог точно ориентировался в пространстве.

– Мой отец воевал на Халхин-Голе и сложил там голову в боях с японцами в сентябре 1939 года. У тебя отец воевал с нами?

– Чего ты привязался к парню! – вступился за Арсена широкоплечий чернявый геолог. – Его отец по годам не мог на войне быть.

– Значит, его дед с нами воевал, – не унимался рыжий. – Они все с нами воевали, никто дома не отсиживался. Самурайский дух и все такое. Твой дед был самураем?

– Пошел к черту! – послал товарища здоровяк и спросил у Арсена: – Ты сам откуда будешь?

– Из Хабаровска, – не задумываясь ответил студент.

– Это понятно, а в Хабаровск откуда приехал?

Арсен решил подыграть геологам и сказал:

– Из Осаки. – К своему стыду, он знал только три японских города: Токио, Осака и Саппоро.

– По студенческому обмену приехал, что ли? Сейчас модно стало студентами обмениваться. Разрядка напряженности, мир, дружба, жвачка! Как там у вас жизнь, в Осаке? Безработные на каждом углу не стоят?

Арсен вспомнил репортажи из Японии в программе новостей «Время». Операторы советского телевидения если снимали улицы японских городов, то обязательно отыскивали нищих и бездомных, чтобы картинка соответствовала тексту диктора.

– Безработные есть везде в капиталистическом мире. Но у нас бичи по вокзалам пустые бутылки не собирают. У нас нет бичей, а есть бездомные. Они на государственное пособие живут.

– Вы зря полезли в политику! – вмешался в разговор молодой геолог. – Везде хорошо, где нас нет! Давайте лучше о женщинах поговорим. Как вам наша проводница? Смогу я ее за ночь уболтать или нет?

Разговор тут же перешел на женщин. Геологи стали вспоминать, где и при каких обстоятельствах им удавалось соблазнить проводниц железнодорожных составов, официанток, стю-

ардесс и просто случайных попутчиц. Потом от хвастовства разговор перешел к деньгам. Как понял Арсен, мужчины были в геологической экспедиции три месяца. Искали в Забайкалье месторождения ториевых руд. Слово «торий» студенту ни о чем не говорило. Он был гуманитарием, далеким от точных наук. Зарплату геологи получали на сберегательную книжку, так как в экспедиции деньги тратить было негде – в забайкальской тайге магазинов нет. Часть зарплаты они после окончания командировки получали наличными деньгами, на которые кутили уже второй или третий день.

– Ты не подумай, что мы какие-то алкаши, – объяснил рыжий Арсену. – Как приедем домой, так жена отберет все деньги, только на сигареты оставит. Ни выпить, ни закусить! В дороге жены нет, по карманам у тебя лазать некому, и ты можешь по-человечески отдохнуть, пообщаться с друзьями, приврать им, как все встречные бабенки к тебе в кровать прыгали. Дома все по-другому будет! Жена, дети, соседи. В первый день за стол посадят, а потом на мичуринский участок погонят, теплицу ремонтировать, землю копать. Мне эта сельская жизнь даром не нужна, но жена считает, что, если у нас своего участка нет, соседи будут косо смотреть. Они все летом на грядках горбачатся, а мы что, по курортам разъезжать будем? Вот и приходится ездить на этот клочок земли, изображать крестьянское трудолюбие, а потом – в Сочи, на море, косточки под жарким солнцем погреть! Ты, студент, не стесняйся! Денег на угощение хватит. Допьем-доедим и еще закажем! Благо вагон-ресторан от нас под боком.

После третьей порции водки в голове у Арсена зашумело. Он извинился, что вынужден покинуть компанию, полез на свою полку и в полудреме услышал, как рыжий сказал:

– Япошки – слабый на водку народ! Парень вроде бы здоровый, молодой, а сил только на сто пятьдесят граммов хватило.

– Они же нашу водку не пьют, – заметил здоровяк, – только sake. Рисовая водка, она, говорят, слабая, вот они и пьют ее подогретой, чтобы градусов больше было.

– Зря вы о политике заговорили, – напомнил молодой геолог. – Ему что, приятно ваши вопросы выслушивать? Нашли о чем спросить, о безработных! Представьте, что вы попали в Японию, и у вас местные буржуи спрашивают: как часто вы автомобиль меняете, сколько комнат в вашем загородном особняке?

– Тут ты прав, – согласился рыжий. – С машиной ты нас четко подловил. Наши самые новые «Жигули» в Японии будут выглядеть как запряженная дохлой клячей телега на улицах Благовещенска. Япошки умеют машины делать. Видел я микроавтобус «Тойота» в Сургуте – японцы местным нефтяникам подарили. Что сказать, вещь! С нашими «рафиками» ни в какое сравнение не идет.

«У русских всегда так, – засыпая, подумал Арсен. – Сначала ляпнут что-то, не подумав, потом мучаются, начинают осуждать себя, что зря человека обидели. Почему они меня за японца принимают? Неужели я на японца похож? Вот бы никогда не подумал!»

На следующий день до самого вечера геологи вновь пьянствовали, спали, ели и покупали водку в вагоне-ресторане по заоблачным ценам. Арсен пить остерегался. Если попутчики настаивали, он делал пару крохотных глоточков и забирался наверх, чтобы послушать их разговоры.

В семь вечера поезд прибыл на станцию Белогорск. Геологи покинули состав, чтобы сделать пересадку на поезд, идущий в Благовещенск. Арсен вышел на перрон проводить новых знакомых, имен которых не запомнил. Геологи тепло попрощались с ним, закинули рюкзаки за плечи и пошли в здание вокзала покупать билеты до дома. По громкоговорящей связи дежурный по вокзалу объявил отправление скорого поезда Москва – Владивосток. Арсен в последний раз вдохнул свежего воздуха и пошел в свое купе. Его новыми попутчиками были старушка с внуком лет десяти и пожилой мужчина.

Поезд тронулся, набрал ход.

– Мы тут вашу одежду перевесили, – сказала старушка, показывая на куртку, оставленную рыжим геологом.

Арсен хотел возразить, сказать, что это вовсе не его куртка, но промолчал. Что-то подсказало ему, что спешить с признанием не стоит. Куртка была сшита из грубой материи. От времени она вытерлась местами, после странствий по тайге была грязной, пропахшей дымом полевых стоянок и ночевок.

«Пригодится, – подумал он. – На субботники в ней ходить буду, если проводник себе не заберет».

Глава 2

Двухдневные возлияния не прошли даром. Ночью монгол почувствовал, что его желудок взбунтовался и готов извергнуть содержимое немедленно, прямо в купе со второй полки. Допустить этой катастрофы было нельзя, и Арсен, спрыгнув на пол, накинул первую попавшуюся куртку с вешалки и поспешил в туалет. По пути он машинально хлопнул ладонью по груди и почувствовал, что во внутреннем кармане куртки что-то лежит. Ни в коридоре, ни в тамбуре около туалета никого не было. Ночь! Пассажиры спали под стук колес и видели приятные сны.

Заскочив в туалет, Арсен закрыл за собой дверь, достал из нагрудного кармана куртки портмоне. Открыл его и ахнул от изумления: в портмоне, судя по куртке, принадлежащему молодому геологу, было полно денег. В глаза сразу бросились три купюры по сто рублей. Невиданное для студента богатство! На сто рублей, плюс стипендия, он мог припеваючи жить целый месяц, а тут... В портмоне оказались 430 рублей и фотография геолога с симпатичной девушкой.

Скорый поезд «Россия» мчался на восток по Транссибирской магистрали через мосты и тоннели, мимо поросших тайгой сопок, едва просматривавшихся в ночной темноте. В туалете тускло светила лампочка под потолком, окно закрашено белой масляной краской, с крана умывальника капала вода. Поезд мчался, колеса стучали на стыках рельс. Надо было делать выбор.

Арсен набрал в ладонь воды из умывальника, освежил лицо, еще раз пересчитал деньги. Время поджимало! В любой момент в туалет могли постучаться проснувшиеся среди ночи пассажиры. Что делать с портмоне?

Как честный гражданин, он должен был передать куртку и кошелек проводнице, чтобы та сдала находку в штабной вагон. Вариант второй: оставить деньги себе и обеспечить достойное проживание в студенческом общежитии в течение нескольких месяцев. При разумной экономии можно было выкроить сотню-другую и обновить гардероб.

Арсен долго не сомневался, переложил деньги в потайной карман в трусах, портмоне спрятал в наружный карман куртки. Вышел в тамбур между вагонами и бросил портмоне с фотографией любимой женщины геолога в проем между вагонами.

Никем не замеченный, он вернулся на свое место в купе, повесил куртку на место, запрыгнул на полку, лег на спину и прикрыл глаза.

Мать у него была осторожной, никому не доверяющей женщиной. Четыре года назад, когда сын поехал сдавать вступительные экзамены в Хабаровск, она пришила с внутренней стороны трусов потайной карман, закрывающийся на пуговицу. Возмущенному сыну она объяснила, что осторожность никогда не помешает. Особенно в чужой стране.

– Уснешь – соседи по купе обворуют, и ты останешься без денег! – безапелляционно заявила она.

С тех пор в каждый приезд домой Арсена ждали новые трусы с потайным карманом, застегивающимся на пуговицу.

Лежа на полке, он размышлял о многих вещах одновременно.

«Когда молодой геолог заметит пропажу? На вокзале в Белогорске они всей толпой пошли в ресторан. А там? Геологи были выпившими, от них несло спиртным за версту. Пойдут ли они в таком состоянии заявлять в милицию о пропаже или будут ждать утра? На маленьких станциях скорый поезд не останавливается, но машинист по радиостанции поддерживает связь с близлежащим диспетчерским пунктом. Когда ему передадут сообщение о забытых в купе вещах? Кто будет их искать: проводник или милиционер из наряда, сопровождающего поезд? Что я сообщил о себе геологам и что они обо мне подумали? Почему-то они решили, что я японец, а не представитель другого азиатского народа. Думают, что я учусь в Хабаровске по программе обмена студентами. Я же никогда о такой программе не слышал и иностранных

студентов в Хабаровске не видел. Геологи были так уверены в своих предположениях, что не спросили у меня, какого черта я еду в Хабаровск не с востока на запад, а наоборот. В Хабаровске мои следы затеряются, так как они не знают, где именно я учусь. Иными словами, как только я сойду с поезда, так тут же буду в полной безопасности. Что делать с деньгами? Попробовать возобновить отношения с Лолой? Нет, это дохлый номер, ее мамаша не даст нам больше встречаться. К черту эту Лолу! На ней свет клином не сошелся».

Незаметно под стук колес Арсен уснул...

Пассажиры в купе проснулись рано утром от властного стука в дверь. Проводница открыла купе своим ключом и осталась стоять в проеме. Внутри шагнул милиционер, сопровождавший поезд. Студент взглянул на часы: половина седьмого утра.

– Доброе утро, товарищи пассажиры! – сказал милиционер. – Извините за раннее беспокойство.

Арсен спрыгнул вниз, сел рядом с внуком старушки. Старушка села напротив него. Со второй верхней полки, скрипя суставами и побряхтывая, с трудом спустился старичок, познаться с которым Арсен так и не успел.

– В купе нет посторонних вещей? – спросил милиционер. – Пассажиры, сошедшие в Белогорске, ничего не оставили?

– Куртка висит, – ответил за всех Арсен, показав на верхнюю одежду молодого геолога.

– Разве это не ваша куртка? – удивилась старушка.

– Не моя, – ответил он. – Это вы перевесили куртку с места на место, чтобы освободить крючок для вашей одежды. Я к этой куртке отношения не имею.

Милиционер проверил карманы одежды геолога, портмоне в них не нашел и спросил:

– Вы ничего отсюда не забирали?

Арсен отрицательно помотал головой: «Нет». Старушка даже отвечать не стала, а старичок, нехорошо ухмыльнувшись, показал пальцем на студента:

– Он врет! Ночью он надевал куртку, в тамбур выходил. Я еще не спал и все видел.

– Да, все так! – подтвердил Арсен. – Ночью у меня от угощения геологов скрутило живот, и я побежал в туалет. Чтобы не бегать полуголым по вагону, схватил первую попавшуюся куртку на вешалке. В ней ничего не было. А что случилось, товарищ милиционер? Что-то пропало?

– Ваши документы! – властно потребовал милиционер.

По его виду было понятно, что в краже портмоне он подозревает молодого человека. Больше некого, не старушка же его украла!

Арсен, по-восточному невозмутимый, с достоинством достал паспорт. Милиционер, увидев герб Монгольской Народной Республики на обложке, нахмурился. Молодой пассажир азиатской внешности безупречно говорил на русском языке, но оказался иностранцем! К иностранцам требовался другой подход.

Монголию настоящей границей никто в Советском Союзе не считал. С 1920-х годов она была ближайшим союзником СССР, оказавшим огромную поддержку Советскому Союзу во время войны. Но дело было не в советско-монгольских отношениях! Иностранец – он и есть иностранец. За его спиной стоят консульство, посольство. Любая жалоба иностранца породит разборки на межгосударственном уровне. За неосторожно сказанное иностранцу слово вылететь со службы было плевым делом.

Как и у Арсена ночью, перед милиционером встал нелегкий выбор. Он мог потребовать у иностранца выложить все предметы из карманов на стол и приготовить вещи для досмотра, но проведение личного досмотра гражданина можно было совершить только с санкции транспортного прокурора при наличии возбужденного уголовного дела. Просто так потребовать вывернуть карманы милиционер не мог. Тот же транспортный прокурор, узнав о вопиющем беззаконии,

нии, совершенном в отношении иностранца, мог своей властью возбудить против милиционера уголовное дело по факту превышения служебных полномочий. Милиционер даже представил, как это будет: прокурор, которого он видел один раз в жизни, покраснеет от ярости, стукнет кулаком по столу и завопит на начальника милиции:

– Вы что себе позволяете, сволочи? Вы решили бросить камень в советско-монгольские отношения? Кто вам позволил измываться над иностранным гражданином? Что будет, если этот инцидент попадет в западные газеты? Вы представляете, какой ушат грязи на нас выльют в Лондоне или Париже? Где это видано, чтобы без моей санкции ваши держиморды иностранцев обыскивали? Да я лучше весь наряд милиции из этого поезда за решетку отправлю, чем прокурору СССР объяснения писать буду!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.